

УДК 93/94:61+929
DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-81-87

Ю. З. КАНТОР

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург

«СПАСТИ ЧЕЛОВЕКА». ПО СЛЕДАМ ДОКУМЕНТАЛЬНО- ВЫСТАВОЧНОГО ПРОЕКТА

Статья посвящена жизни и судьбе врача, выпускника Омского медицинского института Андрея Пантюхова — человека, которого знаменитый писатель Варлам Шаламов считал своим другом и спасителем. Доктор Пантюхов — прототип главного героя нескольких «Колымских рассказов» Шаламова. Статья, благодаря документам из семейного архива Пантюховых, архивов УФСБ России по Омской области и УМВД России по Магаданской области, Исторического архива Омской области и архива Омского государственного медицинского университета, впервые вводимым в научный оборот, дает возможность узнать подробности биографии Пантюхова, посвятившего себя служению самой гуманной из профессий.

Ключевые слова: Пантюхов, Шаламов, Колыма, репрессии, сталинизм, Омский медицинский институт, Омск, реабилитация, личный архив.

В 2019 г. в Омске, в Центре изучения истории Гражданской войны¹, а затем в Пермском музее-заповеднике истории политических репрессий «Пермь-36» прошли выставки историко-документального проекта «Спасти Человека», посвященно-го врачу А. М. Пантюхову — спасителю и другу выдающегося писателя В. Т. Шаламова. В них литература тесно переплетается с историей.

Доктор Пантюхов, 22-летним выпускником ме-дувуза попавший в жернова репрессивной машины и проведший в лагерях полтора десятка лет, смог сохранить в самом себе Человека и Врача, не «раствориться» в ГУЛАГовской реальности, став прототипом главного героя нескольких «Колымских рассказов» Шаламова, где фигурирует под своим именем. Именно благодаря Пантюхову, умиравший на Колыме от истощения и непосильного труда «зэк-доходяга», впоследствии ставший «летописцем ГУЛАГа», Шаламов выжил и даже получил профес-сию фельдшера.

Инициатором и куратором историко-докумен-тального проекта «Спасти Человека» является автор данной публикации. Проект дал возмож-ность узнать подробности биографии Пантюхова со студенческих лет и до конца жизни, большую часть которой он отдал служению самой гуманной из профессий. И — что не менее важно, отчасти до-полнить послелагерную биографию В. Т. Шаламова, ее не сугубо писательское, но «человеческое» из-мерение: в том числе, и посредством «раскрытия» внутреннего мира человека, сыгравшего ключевую роль в его судьбе.

На выставках представлено более 50 ранее не-известных документов из семейной коллекции Пантюховых (их семью автору данной публикации удалось разыскать в 2018 г. в Красноярске, что ста-ло первым шагом к осуществлению проекта и вы-явлению уникальных материалов, в том числе, эго-документов): тексты В. Т. Шаламова, адресованные А. М. Пантюхову (строка одного из них и дала назва-ние проекту), фотографии А. М. Пантюхова разных лет (включая сделанные в Дальлаге и в Павлодаре, где он отбывал ссылку), диплом врача, автобиогра-фия, справки о реабилитации и др. Также впервые экспонировались личные вещи и книги из его би-блиотеки, дающие представление о круге интере-сов, публицистические материалы и мн. др.

Среди уникальных источников также можно было увидеть документы из архивного уголовно-го дела в отношении А. М. Пантюхова, храняще-гося в УФСБ России по Омской области, и рассе-кренные в марте 2019 г. материалы архивного следственного дела в отношении А. М. Пантюхова, хранящегося в УМВД России по Магаданской об-ласти. Не менее интересно и личное дело студента А. М. Пантюхова, предоставленное Историческим архивом Омской области, а также артефакты, по-вествующие о жизни студентов-медиков 1930-х гг. из музея Омского медицинского университета. Ом-ская выставка «точкой отсчета» закономерно сде-лала студенческий период жизни главного героя, Андрея Максимовича Пантюхова. Пермская же — также по понятным причинам — вела «рассказ» от первого срока Варлама Тихоновича Шаламова,

чей первый лагерный срок начался в Красновишерском лагере. Первая, сибирская, выставка — монолог, вторая — диалог-переключка. Выставка в Омске имела сильную источниковедческую доминанту; акцент здесь был сделан именно на документальные материалы. А в пермском музее-заповеднике экспозиция развернулась непосредственно в подлинном лагерном бараке и имела яркий подлинный предметный ряд (дополненный инсталляциями на темы «Колымских рассказов»), что усилило ее эмоциональное звучание. Но в обоих вариантах проекта стержнем стало повествование о Человеке, сумевшем пройти сквозь жернова Системы, но остаться гуманистом и помочь другим не только выжить физически, но и не сломаться нравственно.

«Санитары свели меня с площадки десятичных весов. Их могучие холодные руки не давали мне опуститься на пол. „Сколько?“ — крикнул врач, со стуком макая перо в чернильницу-непроливайку. „Сорок восемь!“. Меня уложили на носилки. Мой рост — сто восемьдесят сантиметров, мой нормальный вес — восемьдесят килограммов. Вес костей — сорок два процента общего веса — тридцать два килограмма. В этот ледяной вечер у меня осталось шестнадцать килограммов, ровно пуд всего: кожи, мяса, внутренностей и мозга. Я не мог бы высчитать все это тогда, но я смутно понимал, что все это делает врач, глядящий на меня исподлобья.

— Зовут меня Андрей Михайлович, — сказал врач. — Лечиться вам нечего.

У меня засосало под ложечкой.

— Да, — повторил врач громким голосом. — Вам нечего лечиться. Вас надо кормить и мыть. Вам надо лежать, лежать и есть. Правда, матрасы наши — не перина. Ну, вы еще ничего — ворочайтесь побольше, и пролежней не будет. Полежите месяца два. А там и весна» [3], — так в рассказе «Домино» Варлам Шаламов описывает первую встречу с врачом, тоже заключенным ГУЛАГа.

Шаламов выжил в лагере только потому, что в 1940-е гг. Андрей Пантюхов не только вылечил, выходил его — обмороженного, истощенного экадохядгу (это был уже его третий срок), но и дал направление на фельдшерские курсы. Это помогло ему избежать невыносимо тяжелых «общих работ», дожить до реабилитации и стать писателем. Медики в лагере находились в относительно привилегированном положении — жили при «больничке», в отдельном бараке, питались чуть лучше остальных, носили штатское.

На Колыме выпускника омского медвуза и будущего писателя, летописца ГУЛАГа, связала крепкая дружба. У них было много общего: и взгляды на жизнь, и любовь к литературе. И — общность судеб, «траектория» попадания под молот репрессий. Оба — студенты, яркие, увлеченные, успешные. Оба — равнодушные, внимательно всматривавшиеся в современность, замечавшие то, о чем не писали в газетах. И — в дружеском кругу сокурсников имевшие неосторожность делиться своими наблюдениями. У каждого из них — свой путь в ГУЛАГ. Вологжанин Шаламов был чуть старше. Он родился в 1907 г., сибиряк Пантюхов — в 1912 г. Шаламов получил первый срок — в 1929 г., Пантюхов — пятью годами позже. Шаламова со второго курса исключили с факультета советского права Московского университета и отправили в лагерь за сокрытие социального происхождения (он был сыном священника). Пантюхова, комсомо-

льщика, выходца из крестьянской семьи, руководителя колхозного «кружка текущей политики» [4, л. 32], закончившего обучение и готовившегося защитить диплом, — за «троцкистские взгляды». Обоих — по доносу сокурсников. У Шаламова в лагерной биографии на тот момент было уже 2 ареста и 3 срока, у Пантюхова — 1 арест и 2 срока. Познакомились они, когда умирающего Шаламова привезли в лагерную больницу Севлага близ поселка Ягодное Магаданской области. Лагерь настолько сблизил молодых людей, что впоследствии Пантюхов стал прототипом одного из главных героев «Колымских рассказов» (писатель-документалист Шаламов в этом цикле практически не использовал псевдонимов, врачу-спасителю он изменил только отчество: вместо реального «Максимовича», герой рассказов стал «Михайловичем»).

Уроженец Новосибирской области Андрей Максимович Пантюхов, студент Омского медицинского института был арестован ночью накануне защиты дипломной работы. «С 18 июня считать под арестом» — свидетельствует лаконичная выписка из приказа по вузу от 23 июня 1934 г. [4, л. 1 — 1 об.].

О том, как началась тюремно-лагерная одиссея Пантюхова, можно узнать из архивного уголовного дела, хранящегося в УФСБ России по Омской области. Оказывается, интересующийся политикой студент, читал, среди прочего, работы Л. Д. Троцкого «Уроки Октября», «1905 год», «Перманентная революция» и др., «которые доставал в библиотеке своего института» [5, л. 48]. К началу 1930-х гг. Троцкий — «канонический пример» образа «врага народа» и советского строя. Пантюхов получил обвинения в том, что является сторонником троцкистской оппозиции, «став на путь борьбы с генеральной линией партии и ее руководством» [5, л. 48]. Как преступные квалифицировались следствием студенческие разговоры о «суровом режиме в партии как факте ликвидации демократии в партии и установлении диктатуры Сталина» [5, л. 50].

Из протокола допроса: «Наши суждения сводились к критике партийной политики и партийного руководства. В лично моих суждениях мною указывалось на отсутствие внутрипартийной демократии, что в партии установлен режим, который всякую критическую мысль подавляет и, по существу, является диктатурой руководства ВКП(б). Высокие темпы в области строительства, промышленности и перестройке сельского хозяйства мною расценивались в этих беседах как извращение современным партийным руководством основ подлинно ленинской политики. Все это мы подтверждали примерами из местной жизни» [5, л. 59].

И этого вполне достаточно, чтобы следствие пришло к выводу, что «студент Омского медицинского института Пантюхов А. М. ...создал в Омском медицинском институте группу из числа студентов — сторонников контрреволюционной троцкистской оппозиции» [5, л. 82].

Дело рассматривалось Особым совещанием при НКВД СССР во внесудебном порядке. Проходит два с половиной месяца, но решение по делу не было принято. И находящийся в неведении относительно своей дальнейшей судьбы арестант Пантюхов пишет письмо заместителю Наркома внутренних дел: «Следствие по моему делу закончено 3 августа [1934 г.], о чем мне объявлено. Прошло два с половиной месяца со дня окончания следствия, я же не имею никаких сведений о движении дела, о чем я писал прокурору ГУГБ НКВД и краевому проку-

рору Западно-Сибирского края, но никакого ответа не получил. Убежденным троцкистом я себя не считаю и таковым не был и эти настроения объясняю тем, что я не понимал достаточно отдельных вопросов партийной политики по вопросу внутривнутрипартийной демократии, крестьянскому вопросу. Следственным органам я заявил о своем разоружении, о том, что я глубоко ошибался. Никакой фракционной работы я не вел. Время, которое я нахожусь в заключении, достаточно для искупления моего преступления. Прошу ускорить разрешение моего дела и дать возможность практической работой доказать искренность моего заявления, так как я только закончил мединститут и имею от роду 21 год. Врач А. Пантюхов. 15 октября 1934 года» [5, л. 87].

Обращение, конечно, осталось без ответа. Но в деле присутствует выписка из протокола Особого совещания при НКВД СССР от 23 ноября 1934 г. «За организацию контрреволюционной группировки заключить в исправ[ительно-]труд[овой] лагерь сроком на три года, считая срок с 17 июля 1934 года» [5, л. 91].

После окончания трехлетнего срока Андрея Пантюхова арестовали вновь без объяснения причин и без предъявления обвинения. Свет на эти мрачные события проливают материалы, хранящиеся в УМВД России по Магаданской области. Андрей Максимович прошел через так называемый сталинский конвейер, когда чередуются следователи, а арестанта, к которому применяют меры физического воздействия (см. заявление А. М. Пантюхова ниже. — Ю. К.), сутками не отпускают с допроса. Типичная для того времен история — тогдашний «метод дознания». Обвинения — а ему инкриминировали теперь уже активное «участие в антисоветской повстанческой организации на Колыме и призывы к контрреволюционному саботажу» [6, л. 53] — он отрицал. Тем не менее, на основании постановления тройки УНКВД по Дальстрою от 28 февраля 1938 г. Пантюхов получает дополнительно 10 лет [6, л. 53].

Но он пытался бороться. Заявление, адресованное Верховному прокурору СССР (разумеется, оставшееся без внимания), является настолько колоритным и драматическим документом, характеризующим взаимоотношения личности и Системы, что целесообразно процитировать его целиком: «СССР от з/к Пантюхова Андрея Максимовича, рожд. 1912 год, срок 10 лет.

27 ноября 1934 года я осужден Особым совещанием НКВД СССР по статье «контргруппа» на три года исправительно-трудовых лагерей и 17 июня 1937 года я календарно отбыл срок наказания, но из лагеря освобожден не был по неизвестным для меня причинам. С июня 1937 г. по февраль 1938 года я незаконно содержался в лагере без всяких на это оснований, так как никаких преступлений ни уголовного, ни политического характера не совершал. Все время пребывания в лагере я честно и добросовестно работал по своей специальности в качестве врача и за время работы (с 1934 года по 1936 год в Бамлаге и с 1936 по 1938 год в Севвостлаге) следственными органами никаких обвинений мне никогда не предъявлялось. На все мои заявления о том, что мой срок заключения окончился, ни прокурор, ни УРО² Севвостлага НКВД мне не дали никакого ответа.

3 февраля 1938 года я был арестован в Хатынпахе. За время следствия — если это можно назвать следствием (я простоял семь суток на допросе и был

подвергнут избиениям), мне не было предъявлено ни одного факта, который подтверждал бы мое участие в какой-либо контрреволюционной деятельности на Колыме. Через две недели я вторично был вызван на допрос, где мне было задано 2 вопроса о какой-то, неизвестной мне контрреволюционной антисоветской деятельности на Колыме. Я дал отрицательный ответ на оба вопроса, и на этом следствие было закончено.

Через сутки мне было объявлено постановление тройки НКВД по «ДС» о том, что за «контрреволюционный саботаж» заключить в лагерь сроком на 10 лет.

Постановление тройки вынесено огульно, без проверки фактов, подтверждающих мою причастность к какой-нибудь контрреволюционной организации, так же как и обвинение было предъявлено огульно, так как никакого участия в контрреволюционной антисоветской деятельности я не принимал.

Решение тройки НКВД мне было объявлено 3 раза и в разной редакции. 1 марта 1938 года я расписался в общем списке (на 40 человек), где было указано, что за контрреволюционный саботаж заключить в лагерь сроком на 10 лет. В конце апреля мне была объявлена выписка из постановления тройки, где было сказано, что я за участие в контрреволюционной повстанческой организации, якобы вел агитацию среди лагерников, осужден на 10 лет. Наконец в третий раз мне было снова объявлено, что я осужден на 10 лет уже за участие в какой-то контрреволюционной организации. На основании вышеизложенного, прошу пересмотреть мое дело, отменить решение тройки и освободить меня из лагеря. 27 мая 1939 года. Д[альне-]В[осточный]К[рай] Бухта Ногаево, Севлаг[.] лаг-пункт Нижний Хатынпах» [6, л. 17–18 об.].

Эффект в лучшем случае нулевой, в худшем — отрицательный: «врага народа», пытающегося протестовать, да еще и без эвфемизмов написавшего о «методах дознания», следовало поставить, вернее, посадить, на место. И надолго. Пантюхов остался в лагере. Не сломался, не впал в отчаяние и после этого, продолжал лечить, спасать даже безнадежных. К каким и относился тогда заключенный Варлам Шаламов, «поймавший» уже третий срок за «недовольство политикой сов. власти и клеветнические измышления» [7].

Поразительно, но об условно-досрочном освобождении доктора Пантюхова просила даже администрация лагеря, дав ему положительные характеристики. Причем аттестующие заключенного Пантюхова положительно как в период отбывания первого срока, так и во время второго. Смягчить (не реабилитировать, заметим, — а смягчить) участь заключенного врача пытались отнюдь не сентиментальные люди — замначальника следственного отдела УНКВД по Магаданской области, а затем — и начальник Отдельного лагерного пункта «Комендантский», в больнице которого работал Пантюхов. Даже по меркам той кафкианской реальности такая «нестыковка» выглядит симптоматично: она не только красноречиво свидетельствует о несогласованности действий отдельных подразделений государственной репрессивной машины, но и о предрешенности и окончательности ее карательного императива.

«В материалах настоящего дела имеются карты зачета рабочих дней, содержащие в себе данные, характеризующие отношение заключенного к тру-

ду и его поведение в лагере. Из указанных карт видно, что ПАНТЮХОВ первоначально отбывал наказание в лагерях Байкало-Амурского Управления ИТЛ, а затем в лагерях Управления Севвостлага.

За этот период времени, то есть с момента прибытия в места заключения 4 апреля 1935 года и по день вторичного привлечения его к уголовной ответственности на прииске «Штурмовой» РО НКВД по Северному горнопромышленному Управлению «Дальстрой» ПАНТЮХОВ характеризуется только с положительной стороны, как честный и добросовестный медицинский работник, беспрекословно выполняющий возложенные на него обязанности. Положительно характеризовался ПАНТЮХОВ и в быту, как активист, ведущий большую общественную работу по заданию лагерной администрации. Уже после осуждения его Тройкой УНКВД по Дальстрою 28 февраля 1938 года ПАНТЮХОВ, как видно из приобщенных к делу характеристик также добросовестно продолжал относиться к работе и вел себя примерно в быту, за что приказом по Управлению Севлага УСВИТЛ'а ему было присвоено звание отличника производства, а также ПАНТЮХОВУ приказами по этому Управлению неоднократно объявлялись благодарности [6, л. 31].

Столь подробная и сверхпозитивная характеристика приложена к ходатайству об условно-досрочном освобождении: «Командование ОЛП Комендантский и больницы Санотдела Упр.[авления] Севлага СВИТЛ НКВД ходатайствуют об условно-досрочном освобождении из лагеря з/к ПАНТЮХОВА Андрея Максимовича, л. д. № 95595, рожд. — 1912, национальность — русский, осужден по ст. УК АСА³ — 10 лет н/ср. 28/II-38 г.

ПАНТЮХОВ А. М. работает в больнице /Беличье/ Санотдел Упр. Севлага в качестве врача-хирурга. К своим прямым обязанностям относится добросовестно, хорошо проявляя чуткое отношение к больным.

За проработанное время в больнице Санотдела проявил себя как исключительно честный и умелый работник, знающий свое дело. Наряду с отличным выполнением своих прямых обязанностей з/к ПАНТЮХОВ с желанием выполняет все поручения командования ОЛП и больницы, связанные за улучшение бытовых условий и быстрее выздоровление больных. Дисциплинированный, примерный в быту лагерник. Нарушений лагережима и адмвзысканий не имеет. Является отличником производства. За хорошее поведение в быту и отличную работу имеет ряд благодарностей. Начальник ОЛП «Комендантский» [6, л. 31].

А вот лагерное «жизнеописание» Пантюхова, его, так сказать, карьера, шаг за шагом изложенная сухим языком лагерной больничной администрации. Важно отметить, что написана она в труднейший период — шла Великая Отечественная война. И даже в строках лагерного канцеляриста читается явное уважение «начальства» к самоотверженному доктору. Пожалуй, беспрецедентный случай, когда в документах такого рода по отношению к политзаключенному, «повторнику» с «тяжкой» 58-й статьей встречаются слова «весь отдается напряженной работе», «добился высококачественной постановки лечебного дела» и, наконец, «систематически давая свою кровь для восстановления трудоспособности тяжелобольных заключенных». Он действительно делился с товарищами по несчастью всем — даже собственной кровью, и это «пробило» даже закаленную бесконечной жестокостью лагерную адми-

нистрацию, как и заключенные, усвоившую незыблемую истину, позднее четко сформулированную Шаламовым: «Каждая минута лагерной жизни — отравленная минута. Там много такого, чего человек не должен знать, не должен видеть, а если видел — лучше ему умереть. Он обучается там лести, лганию, мелким и большим подостям. Возвращаясь на волю, он видит, что <...> моральные барьеры отодвинулись куда-то в сторону. Оказывается, можно делать подлости и все же жить. Можно лгать — и жить. Оказывается, человек, совершивший подлость, не умирает» [8].

Гуманизм Пантюхова оказался противоядием против «отравы лагерной жизни», своего рода гуманистическим антидотом. И этот «антидот» — человеческое участие — оказался целительным и для самого Шаламова, почувствовавшего себя человеком, не «лагерной пылью» именно благодаря общению с доктором.

«З/к ПАНТЮХОВ А. М. прибыл на Колыму в 1936 г. С сентября 1936 г. по декабрь 1937 г. работал зав. врачебным участком прииска «Штурмовой». С декабря 1937 г. по февраль 1938 г. работал ординатором в больнице Хатынаха. С ноября 1938 г. по октябрь 1939 г. врачом больницы прииска им. Водопьянова. С сентября 1940 г. по март 1941 г. работал врачом больницы прииска «Ледяной». В марте 1941 г. был переведен на прииск «В. Ат-Урях», где работал по январь 1943 г. С января с.[его] г.[ода] работает врачом-терапевтом и лаборантом клинической лаборатории центральной больницы Севлаг'а. За все время работы по специальности никаких взысканий не имеет.

Как врач-терапевт является квалифицированным лечащим врачом. Возглавляя терапевтическое отделение в больнице «В. Ат-Урях», своим вдумчивым и серьезным отношением к работе добился высококачественной постановки лечебного дела. После организации при санчасти в Ат-Урях клинической лаборатории, врач з/к ПАНТЮХОВ в течение короткого срока освоил большинство клинических анализов. Постоянно повышает свой теоретический уровень путем глубокого изучения новой медицинской литературы. Отношение к больным чуткое и внимательное. Помимо больницы обслуживал в организационном и лечебно-санитарном отношении ряд лагпунктов, проявляя инициативу и добиваясь хороших результатов.

В быту дисциплинирован и уживчив. Отдавая себе отчет перед задачами медротников в военное время, з/к Пантюхов не только весь отдается напряженной медицинской работе, не считаясь со временем, но и является донором больницы, систематически давая свою кровь для восстановления трудоспособности тяжелобольных заключенных. В промысловый сезон помимо основной работы работал в забое, перевыполняя нормы. Начальник санотдела Управления Севлаг'а. 14/IV-1943 г.» [6, л. 34].

Освободили А. М. Пантюхова в срок — в 1947 г. Вернулся он в Новосибирскую область, на малую родину. Со своей будущей женой, окончившей школу 21 июня 1941 г., Андрей Максимович познакомился вскоре после освобождения, в районной больнице Новосибирской области, куда пришел устраиваться. «Отец после освобождения вернулся на родину, пришел устраиваться в больницу, где заведующей работала мама, — рассказывает Евгений Пантюхов, сын доктора. — Тут же подвернулся момент для испытания новенького: большой с панарицием,

и отец справился с проблемой за полторы минуты. Мама была много младше отца, к тому же он уже болел (туберкулезом. — Ю. К.), но они поженились, несмотря на сопротивление ее родителей. Вскоре молодая семья уехала в Павлодар, где Андрей Максимович возглавил службу скорой помощи. Здесь у супругов Пантюховых родились сын и дочь.

Но доктор продолжал добиваться реабилитации. 22 августа 1956 г. он вновь пишет заявление на имя Генерального прокурора СССР: «В июле 1934 года я был арестован в Омске и 23 ноября 1934 года был осужден Особым совещанием НКВД ССР по статье «КРГ» на три года ИТЛ. За время следствия в г. Новосибирске под сильным моральным давлением следователю удалось заставить меня подписать протокол допроса, в котором было указано мое «собственное признание».

Во всем моем деле нет никакого состава преступления, кроме собственного признания, так как я не участвовал в троцкистской организации и никакого уголовного деяния не совершал. Прошу пересмотреть мое дело ввиду отсутствия состава преступления и отменить постановление Особого совещания НКВД СССР.

Постановление же тройки НКВД Дальстроя СССР от 28 февраля 1938 года в отношении меня отменено Президиумом Магаданского облсуда от 7 июня 1956 года, делопроизводство прекращено за недоказанностью состава преступления» [5, л. 103–103 об.].

Уже состоялся XX Съезд партии, началась хрущевская оттепель. Пантюхову ответили быстро. «Постановление Президиума Омского областного суда 7 марта 1957 года.

Президиум Омского областного суда рассмотрел дело по протесту в порядке надзора прокурора Омской области в отношении Пантюхова А. М. и Подпелова А. Н. по ст. 58-10, 58-11 УК.

Обвинение осужденных основано на их показаниях и показаниях свидетелей в ходе предварительного следствия. Однако эти показания нельзя признать за доказательства, ибо они противоречивы и никакими объективными данными не подтверждены.

Осужденные в своих жалобах вину отрицают и их показания в ходе предварительного следствия не соответствуют действительности, ибо их дали в результате неправильных методов ведения следствия. Принесенный протест подлежит удовлетворению.

Постановил: постановление ОСО при НКВД СССР от 23 ноября 1934 года отменить и делопроизводство прекратить за отсутствием состава преступления» [5, л. 114–116].

Началась новая жизнь. Пантюхов не только практикующий врач, теперь он и ученый — в личном архиве семьи: первые публикации в научных медицинских журналах, первая же монография и автореферат кандидатской диссертации, успешно защищенной по гельминтологии. Впоследствии его даже наградили медалью «За освоение целинных земель» и орденом Трудового Красного Знамени. Но прошлое не отступало. «О Колыме он рассказывал мало и неохотно, — вспоминает Евгений Пантюхов. — И чувство опасности его никогда не покидало». Значительная часть архива Андрея Максимовича была уничтожена по его предсмертной просьбе в 1983 г. «Непонятно было, кто будет, какая власть. Пришел Горбачев, а мог бы и другой», — объясняет Евгений Андреевич. Сохрани-

лись крохи, но и они — бесценны, в чем нетрудно убедиться тем, кто побывал на выставках в Омске и Перми: среди уцелевшего несколько поздравительных открыток и писем Шаламова. Воистину, «рукописи не горят».

После освобождения из лагеря Варлам Шаламов долгое время считал, что доктора Пантюхова уже нет в живых — с туберкулезом «домотать» долгий лагерный срок было почти нереально. И все же благодаря общим знакомым, тоже бывшими лагерниками, писатель узнал, что его спаситель жив. И немедленно ему сообщил: «Дорогой Андрей Максимович! Сегодня узнал я, к своей величайшей радости, что Вы живы. Я всегда считал, что обязан Вам жизнью. И не только я... Счастлив, что могу Вас благодарить за то, что Вы сделали для меня... Помнить Вы меня должны и по Сусуманской больнице, и по «Беличьей». Варлам Тихонович Шаламов» [9].

И с тех пор контакты доктора и писателя не прерывались. О Шаламове и его друге-враче в горбачевское время стала писать пресса.

И вот в 1989 г. Пантюховым пришло письмо. В нем — почти исповедь, а может, попытка оправдаться уже очень немолодого человека.

«Андрюша, здравствуй! Я очень рад, что ты жив и работаешь, а не сгнил в лагерях. Когда тебя забрал «черный ворон», мы на курсе пошептались, немного, много было опасно! Комсомол и партия обсудили «врага народа», и ты остался в памяти. Я тебя хорошо помню: красивого, с пышной прической, умного и хорошо учившегося... Прошло 56 лет» [10].

Автор письма прочел о своем бывшем сокурснике в «Медицинской газете», через нее же разыскал и адрес. Но письмо сильно опоздало — Андрея Максимовича уже не было в живых.

«Что я могу пожелать Вам, Человеку с большой буквы, кроме самого лучшего, успехов во всех начинаниях и хорошего здоровья на долгие годы. Пусть ничто не омрачает Ваше бытие, и это будет скромным вознаграждением провидения Вам» [11], — написал доктору Пантюхову летописец ГУЛАГА Шаламов. Человек с большой буквы оставил о себе светлую память и в потрясающих по силе «Колымских рассказах», и в реальной жизни.

Профессия историка близка к медицине — историк анализирует социальные болезни, может показать, как они возникают, чем опасны и как их избежать и лечить.

Такие социальные болезни, как сталинизм, не лечатся за несколько лет. Это долгая, кропотливая работа. Бороться с вирусом сталинизма можно только правдой — горьким лекарством, но необходимым. Такие проекты, как «Спасти Человека», — своего рода прививка: посетители выставок, может быть, даже случайные, задумаются, а это уже много. И еще об одном: документы возвращают память о прошлом, они возвращают имена.

Примечания

¹ Центр изучения истории Гражданской войны — действующая с 13 января 2012 г. выставочная и научная площадка Исторического архива Омской области, расположенная в особняке Батюшкиных, где в 1918–1919 гг. размещалась Личная резиденция Верховного правителя адмирала А. В. Колчака [см. об этом подр.: 1, 2].

² УРО — учетно-регистрационный отдел.

³ АСА — антисоветская агитация.

Библиографический список

1. Чекалина Л. А. Центр изучения истории как инновационная форма архивной деятельности // Вестник ВНИИДАД. 2018. № 1. С. 119–125.
2. Петин Д. И., Стельмак М. М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-9-15.
3. Шаламов В. Домино. URL: <https://shalamov.ru/library/2/27.html> (дата обращения: 22.12.2019).
4. Исторический архив Омской области. Ф. Р–14. Оп. 2. Д. 2693.
5. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–5060.
6. Информационный центр УМВД России по Магаданской области. АСД 190423.
7. Постановление о предъявлении обвинения (Шаламову В. Т.). 5 июня 1943 г. URL: <https://shalamov.ru/documents/13/15.html> (дата обращения: 22.12.2019).
8. Шаламов В. Красный крест. URL: <https://shalamov.ru/library/2/31.html> (дата обращения: 22.12.2019).
9. Письмо В. Т. Шаламова А. М. Пантюхову. 20 марта 1961 г. Копия // Личный архив А. М. Пантюхова.

10. Письмо Л. П. Новолодского А. М. Пантюхову. 9 мая 1989 г. // Личный архив А. М. Пантюхова.

11. Поздравительная открытка «С Новым годом» В. А. Шаламова А. М. Пантюхову. 27 декабря 1968 г. // Личный архив А. М. Пантюхова.

КАНТОР Юлия Зораховна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории.
SPIN-код: 3138-6726
AuthorID (РИНЦ): 337025
Адрес для переписки: juliakantor@yandex.ru

Для цитирования

Кантор Ю. З. «Спасти Человека». По следам документально-выставочного проекта // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 1. С. 81–87. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-81-87.

Статья поступила в редакцию 09.01.2020 г.
© Ю. З. Кантор

«SAVE THE MAN». IN WAY OF DOCUMENTARY AND EXHIBITION PROJECT

The article is dedicated to the life and fate of a doctor, a graduate of the Omsk Medical Institute Andrei Pantyukhov — a man whom the famous writer Varlam Shalamov considered his friend and savior. Dr. Pantyukhov — the prototype of the protagonist of several «Kolyma Tales» by Shalamov. The article, thanks to documents from the Pantyukhov family archive, the archives of the Federal Security Service of Russia in the Omsk Region and the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Magadan Region, the Historical Archive of the Omsk Region and the archive of the Omsk State Medical University, for the first time put into scientific circulation, makes it possible to find out the details of the biography of Pantyukhov, who devoted himself to serving the most humane from professions.

Keywords: Pantyukhov, Shalamov, Kolyma, repression, Stalinism, Omsk Medical Institute, Omsk, rehabilitation, personal archive.

References

1. Chekalina L. A. Tsentri zucheniya istorii kak innovatsionnaya forma arkhivnoy deyatelnosti [Center for the Study of History as an Innovative Form of Archival Activity] // Vestnik VNIIDAD. *Herald of VNIIDAD*. 2018. No. 1. P. 119–125. (In Russ.).
2. Petin D. I., Stelmak M. M. Pedagogika v arkhive na sluzhbe preodoleniya sovremennykh mifov massovogo soznaniya o Grazhdanskoy voyne v Rossii [Modern perception of the Civil War: pedagogy as overcoming myths in mass consciousness] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. *Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2018. No. 3. P. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-9-15. (In Russ.).
3. Shalamov V. Domino [Dominoes]. URL: <https://shalamov.ru/library/2/27.html> (accessed: 22.12.2019). (In Russ.).
4. Istoricheskiy arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk region]. File: P–14/2/2693. (In Russ.).
5. Arkhiv UFSB Rossii po Omskoy oblasti [Archive of the FSB of Russia in Omsk region]. File: 4/П–5060. (In Russ.).
6. Informatsionnyy tsentr UMVD Rossii po Magadanskoy oblasti [Information Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Magadan Region]. File: 190423. (In Russ.).
7. Postanovleniye o pred'yavlenii obviniyeniya (Shalamov V. T.) [The decision to indict (for Shalamov V. T.)]. June 5, 1943. URL: <https://shalamov.ru/documents/13/15.html> (accessed: 22.12.2019). (In Russ.).
8. Shalamov V. Krasnyy krest [Red Cross]. URL: <https://shalamov.ru/library/2/31.html> (accessed: 22.12.2019). (In Russ.).
9. Pis'mo V. T. Shalamova A. M. Pantyukhovu. 20 marta 1961 g. Kopiya [Letter from V. T. Shalamov to A. M. Pantyukhov.

March 20, 1961. Copy] // Lichnyy arkhiv A. M. Pantyukhova [Personal archive of A. M. Pantyukhov]. (In Russ.).

10. Pis'mo L. P. Novolodskogo A. M. Pantyukhovu. 9 maya 1989 g. [Letter from L. P. Novolodsky to A. M. Pantyukhov. May 9, 1989] // Lichnyy arkhiv A. M. Pantyukhova [Personal archive of A. M. Pantyukhov]. (In Russ.).

11. Pozdravitel'naya otkrytka «S Novym godom» V. T. Shalamova A. M. Pantyukhovu. 27 dekabrya 1968 g. [Greeting card «Happy New Year» from V. T. Shalamov to A. M. Pantyukhov. December 27, 1968] // Lichnyy arkhiv A. M. Pantyukhova [Personal archive of A. M. Pantyukhov]. (In Russ.).

KANTOR Yuliya Zorakhovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of World History Department.
SPIN-code: 3138-6726
AuthorID (RSCI): 337025
Address for correspondence: juliakantor@yandex.ru

For citation

Kantor Yu. Z. «Save the Man». In way of documentary and exhibition project // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2020. Vol. 5, no. 1. P. 81–87. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-81-87.

Received January 9, 2020.
© Yu. Z. Kantor